

УДК 808.53

**Матричная конструкция речевого портрета
в динамическом аспекте с позиций дискурсивного
подхода (на примере речевого портрета политиков)**

Го Лицзюнь

Преподаватель кафедры русского языка,
Шаньсийский Университет,
030006, Китай, Шаньси, Тайюань, Учэн Роуд, 92;
e-mail: glj827@163.com

Ню Ичжи

Аспирант факультета русского языка,
Пекинский педагогический университет,
100875, Китай, Пекин, Хайдянь, Синезенько Аутер стрит, 19;
e-mail: glj827@163.com

Аннотация

Популярность функциональной антропоцентричной парадигмы всколыхнула волну интереса лингвистов к изучению языковой личности в различных ее проявлениях. В данной статье предпринимается попытка аналитического обобщения по теории «речевой портрет», опираясь на модель Е.В. Осетрова, конструируется динамическая матрица речевого портрета с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков.

Ключевые слова

Речевой портрет, политическая лингвистика, политический дискурс, динамическая матрица, речь политика, дискурсивный анализ.

Для цитирования в научных исследованиях

Го Лицзюнь, Нью Ичжи. Матричная конструкция речевого портрета в динамическом аспекте с позиций дискурсивного подхода (на примере речевого портрета политиков) // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 5. С. 98-113.

Введение

В 50-60 гг. XX века современная лингвистика отошла от макроскопического аспекта исследований и заинтересовалась микроскопическим срезом. Произошел перенос фокуса интереса исследователей с объекта познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке. Эта тенденция связана с появлением все новых терминов, концепций и направлений лингвистики, включая теорию языковой личности. В рамках данной теории создается описание речевого портрета языковой личности, который становится объектом исследования. Вместе с тем, динамично развивающееся понятие «дискурс» обогащает исследовательскую сферу лингвистики.

Современная мировая политическая лингвистика фокусируется на когнитивных особенностях политического дискурса [Liu, 2011; Collin, 2013; Childers, 1989; Matsumoto, Hwang, 2013], исследует функционирование политического дискурса в сети интернет [Dehghani, Sagae, Sachdeva, Gratch, 2014; Cunha et al., 2014; Dyagilev Yom-Tov, 2014] и в СМИ [O'Grady, 2014; Friedman, Kampf, 2014], рассматривает особенности манипулирования общественным мнением в политической речи [Crespo, 2014; Robinson, Boyd, Fetterman, 2014], характеризует исторические аспекты взаимодействия языка и политики [Tavor, 2014], анализирует особенности политического национализма в языке [Kulyk, 2011; McMonagle, McDermott, 2014; Griffiths, 2010; Garcia, 2014].

В данной статье предпринимается попытка аналитического обобщения по теории «речевой портрет», опираясь на модель Е.В. Осетрова, конструируется динамическая матрица речевого портрета с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков.

Речевое портретирование: теоретико-методологические основы и аспекты описания

Язык признается самой яркой определяющей характеристикой этноса. Однако в языкознании XX века многие десятилетия лингвисты изучали «человека молчавшего» (язык был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Необходимость изучать язык и человека комплексно, т. е. изучать «говорящего человека», побудила исследователей уделить серьезное внимание этой сложной проблеме. Таким образом, человеческий фактор в языке вошел в центр внимания лингвистических исследований. Антропоцентрическая парадигма является в настоящее время одной из важных теорий в современной лингвистике. Антропоцентричность языка предполагает соответствующие установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. Одним из популярных объектов исследования является языковая личность.

В ходе развития лингвистики проблема языковой личности обсуждалась неоднократно. Понятие было введено как лингвистический термин в 80-х гг. прошлого века Ю.Н. Карауловым. На Международном конгрессе МАПРЯЛ он совершил доклад на тему «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», в которой первый раз ввел в широкий научный обиход о понятии языковой личности и назвал языковую личность «говорящим человеком» или «коммуникативным человеком» [Караулов, 1982]. После этого теория языковой личности получила широкое распространение и дальнейшее развитие в русистике. А.А. Залевская, А.А. Леонтьев изучали языковую личность в аспекте языкового сознания; В.В. Красных на основе межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики комплексно анализировал структуру и форму выражений языковой личности в дискурсивном общении; Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Г. Костомаров исследовали явления прецедентности в русской языковой личности; М.В. Китайгородская, О.А. Лаптева уделяли большое внимание языковой личности в разговорной речи; Ю.Е. Прохоров связывал национально-культурный стереотип с теорией языковой личности и разработать их отношения; Т.Ф. Волкова разработала понятие языковой личности в публичной коммуникации и т. п. Исследование языковой личности в различ-

ных ее проявлениях привело к изучению языковой личности с точки зрения описания речевого портрета.

Основы речевого портретирования заложил представитель Московской социолингвистической школы М.В. Панов [Панов, 1990], создав ряд фонетических портретов деятелей русской культуры XVIII–XX вв. Более широкое осмысление портретирования как прием лингвистических исследований получило в работах Т.Г. Винокура, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, Т.М. Николаевой, Н.Н. Розановой, М.В. Китайгородской, Л.П. Крысина и др.

Существуют разные типы определений понятия «речевой портрет». По мнению С.В. Леорды, речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность [Леорда, 2006]. Т.П. Тарасенко определяет речевой портрет как совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования [Тарасенко, 2007]. Видно, что само понятие понимается лингвистами по-разному, тем не менее, создание речевых портретов как метод описания языковой личности становится все более востребованным и перспективным в современной лингвистике.

В научной литературе принято различать два направления в речевом портретировании: создание индивидуальных и коллективных портретов. Среди исследований, в которых анализируются индивидуальные речевые портреты конкретной языковой личности, можно назвать работы Н.В. Аниськиной, Н.Волковой, Е.Сафроновой, Е.В. Иванцовой, И.М. Килуниной, О.Е. Соловьевой, Е.А. Оглезневой, В.Д. Черняка. Результатом такого описания становится «речевой портрет отдельного человека, который отражает как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств <...> так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [Земская, 2001, 114]. Широко известны исследования, посвященные анализу коллективных портретов: речевым портретом школьников занимается С.В. Мамаева, студентов – С.В. Леорда, молодежи – Б.Максимов, эмигрантов – Е.А. Земская, интеллигенции – Л.П. Крысин, государственных служащих – М.Н. Панова, адвокатов – Н.В. Варнавских. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить ряд существенных характеристик, которые релевантны для определенного круга

людей, объединенных в национальном, территориальном, возрастном, профессиональном планах.

Теория языковой личности также вызывает интерес у китайских исследователей-лингвистов русского языка Китая. Исследователь Сунь Цзюнь разделяет языковую личность в широком смысле на 4 частей: ментальная личность, языковая личность в узком смысле, речевая личность и коммуникативная личность [孙军, 2001, 51]. Профессор У Гохуа подчеркивает важную роль языковой личности в сфере исследования по соотношению между языком и культурой [吴国华, 2001, 199-209]. В своей статье «Исследование теории языковой личности» ученый Чжао Айго делает глубокий анализ об определении, содержании, структуре и философском положении данной теории [赵爱国, 2003, 11-14]. Пэн Вэньжао уделяет внимание исследованию прецедентных текстов и языковой личности, анализирует их отношения в пособии «Лингвокультурология» [彭文钊, 2006, 234-243]. Несмотря на то, что китайские ученые уже добились немалых исследовательских успехов, изучению языковой личности с точки зрения речевого портрета в китайском языкознании все еще уделяется недостаточно внимания.

Матричная конструкция речевого портрета в динамическом аспекте с позиций дискурсивного подхода

Проанализировав литературу по дисциплинарному феномену «языковая личность», легко заметить, что схема или моделирование описания речевого портрета разнообразны. В структуре описания речевого портрета Ю.Н. Караулова, например, находится самая известная модель «трехуровневая модель языковой личности»: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [Караулов, 2007, 38-39]. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова выделяют подобные параметры, по которым производится анализ речевого портрета: 1) лексикон языковой личности – уровень, на котором анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность; 2) тезаурус – уровень, который репрезентирует языковую картину мира и совершает анализ по использующимся в речи лично-

сти разговорным формулам, речевым оборотам, особой лексике; 3) прагматикон – уровень, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [Катайгородская, Розанова, 2003, 182].

Появление динамично развивающегося направления в исследовании языкознания – понятия «дискурс» – предоставляет новую точку зрения исследовать речевой портрет языковой личности. По определению, предложенному К.Ф. Седовым, дискурс – это «речевое произведение в индивидуальном исполнении – и в устной, и в письменной форме, которое используется в процессе социального взаимодействия людей и в котором находят непосредственное воплощение все функции языка, уровни языковой системы» [Седов, 2004, 56]. Политический дискурс или дискурс политиков, являясь частной разновидностью дискурса и одним из выделенных лингвистических объектов, сегодня активно изучается (А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, R. Wodak, T. Van Dijk и другие).

Когда мы ставим понятие «речевой портрет» в центр живой политической речи и политического дискурса, появляется необходимость изменить подход к изучению речевого портрета, так как в современном исследовании по лингвистике дискурс всегда рассматривается как «последовательность высказываний» [Переверзев, Кожемякин, 2008, 75], «речь» и «диалог». При данном понимании подход к изучению дискурса противопоставляется подходу к изучению текста, как динамического – статистическому, как диахроническому – синхроническому.

Таким образом, опираясь на теорию и модель, которые предложены лингвистом Е.В. Осетровой для описания речевого портрета политика [Осетрова, 1999], реконструируется динамическая матрица речевого портрета с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков (см. рис. 1).

По теории Е.В. Осетровой, модель описания речевого портрета существует в двух планах: содержательная составляющая и речевая (коммуникативная) составляющая.

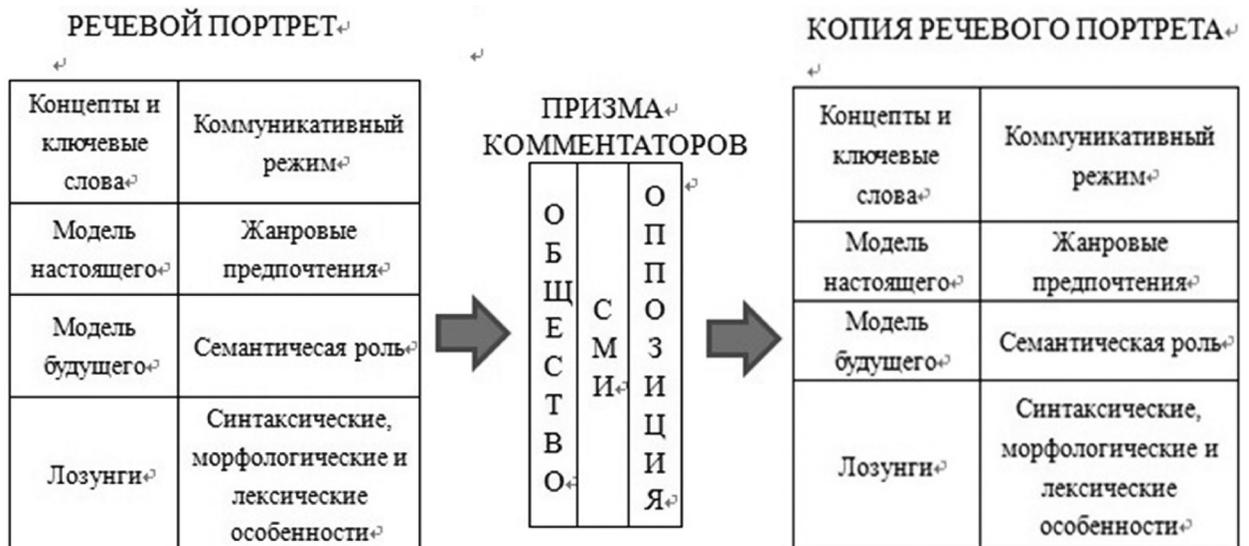

Рис. 1. Динамическая матрица речевого портрета с позиций дискурсивного подхода на примере речевого портрета российских политиков

Содержательное основание – это информативная часть текстов, публикуемых политическим деятелем. Единицами, составляющими содержательную сторону речевого портрета политика, являются следующие: а) концепты или ключевые слова, б) модель настоящего, в) модель будущего и г) лозунги. Коммуникативная составляющая показывает предпочтения исследуемой личности в разных аспектах политической коммуникации. Она включает также 4 параметра: а) монологичность / диалогичность высказываний, б) информативный/оценочный тип речевого жанра, в) роль агенса / коагенса и г) коммуникативная успешность/речевые ошибки [Осетрова, 1999]. С помощью разработки содержательного и коммуникативного оснований в публичных речах политиков репрезентируются изменения и тенденции по содержанию, эмоции, речевым привычкам в какое-то течение времен. С такими параметрами создается динамическая матрица речевого портрета политиков.

Российское агентство международной информации, опираясь на содержание инаугурационных речей В.В. Путина в 2000, 2004, 2012 годах и Д.А. Медведева в 2008 году, провело анализ по самым часто упоминаемым словам в речах двух президентов (см. рис. 2).

Таблица ясно показывает, какие концепты наиболее ярко представляет нынешний президент: борьба за власть, сильное стремление к единству и

Рис. 2. Сравнительный концептуальный анализ инаугурационных речей русских президентов

могуществу державы. Д.А. Медведев отдал предпочтение ключевым словам «жизнь», «человек» или «гражданин». Проявляются также динамические изменения в ключевых словах в течение трех президентских сроков В.В. Путина.

Е.В. Осетрова отмечает, что речевой портрет политика создается не только им самим. «Существуют некие внешние по отношению к политику субъекты, которые более или менее существенно корректируют речевой портрет политика, учитывая все названные ранее составляющие» [Осетрова, 1999, 64]. Например, как правило, люди получают информацию о политиках в основном из СМИ, особенно в ситуации, когда у людей нет другого источника информации об указанных политиках. Следовательно, те оценки, образные определения, которые используются в масс-медиа и общественном мнении как элементы речевого портрета политиков, «отпечатываются» в сознании людей и становятся частью их представлений. Иными словами, всестороннее формирование речевого портрета политика состоит из двух частей: создание речевого портрета и коррективы речевого портрета. Работу «корректива» совершают комментаторы: а) общество в лице его представителей, б) СМИ в лице журналистов и специалистов и в) оппоненты политика [там же]. Например, в печати

В.В. Путин описывается обычно как властный, жесткий, бескомпромиссный политик, а Д.А. Медведев представляется мягким и либеральным: «И на обложках *The Economist* и *Der Spiegel* в компании русских танков красуется тот самый зверский Путин – никак не мягкий Медведев. Потому что Путин всем нужен как универсальная страшилка-пугалка шестого поколения, оправдывающая и перевооружение США, и расширение НАТО, и даже отсутствие давно ожидаемой оттепели в самой РФ. Медведевым же детей не попугаешь. – образ, видите ли, не совсем тот» [Белковский, 2008, www] (Агентство политических новостей, 2008).

Таким образом, речевой портрет политика, с одной стороны, представляет определенную систему содержательных и коммуникативных составляющих, а с другой стороны, речевой портрет личности нельзя понимать без учета его отражений в общественном мнении, в СМИ и в дискурсе оппозиции.

Заключение

После того, как теория речевого портретирования была выдвинута в русистике, более старые исследования по политической лингвистике представляются статистическими и одномерными, т.е. они направлены: 1) больше на константные языковые явления, появляющиеся в каких-то конкретных политических текстах, но игнорируют эволюцию во времени; 2) больше на субъект или адресанта политических действий, игнорируя восприятие других участников политического (прямого адресата или адресата-наблюдателя политических действий, включая общественное мнение и СМИ).

Следовательно, очевидны необходимость и актуальность реконструкции динамической матрицы речевого портрета с позиций дискурсивного подхода.

Библиография

1. Белковский С. Где Россия / 5. Политика как осознанная необходимость // Агентство политических новостей. 2008-08-28. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20649.htm>

2. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114-131.
3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Международный конгресс МАПРЯЛ. Доклад советской делегации. М., 1982. С. 105-125.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 151-240.
6. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.
7. Осетрова Е.В. Речевой портрет политического деятеля // Григорьева Т.М. (ред.) Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 1999. С. 58-66.
8. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М.: Наука, 1990. 452 с.
9. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 74-79.
10. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 320 с.
11. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.
12. Childers T. Political Sociology and the «Linguistic Turn» // Central European History (Brill Academic Publishers). 1989. Vol. 22. Issue ¾. P. 381-394.
13. Collin R. Moving Political Meaning across Linguistic Frontiers // Political Studies. 2013. Vol. 61. Issue 2. P. 282-300.
14. Crespo F.E. Euphemisms and political discourse in the British regional press // Brno Studies in English. 2014. Vol. 40. Issue 1. P. 5-26.

15. Cunha E., Magno G., Gonçalves M.A., Cambraia C., Almeida V. He Votes or She Votes? Female and Male Discursive Strategies in Twitter Political Hashtags // PLoS ONE. 2014. Vol. 9. Issue 1. P. 1-8.
16. Dehghani M., Sagae K., Sachdeva S., Gratch J. Analyzing Political Rhetoric in Conservative and Liberal Weblogs Related to the Construction of the “Ground Zero Mosque” // Journal of Information Technology & Politics. 2014. Vol. 11. Issue 1. P. 1-14.
17. Dyagilev K., Yom-Tov E. Linguistic Factors Associated With Propagation of Political Opinions in Twitter // Social Science Computer Review. 2014. Vol. 32. Issue 2. P. 195-204.
18. Friedman E., Kampf Z. Politically speaking at home and abroad: A typology of message gap strategies // Discourse & Society. 2014. Vol. 25. Issue 6. P. 706-724.
19. Garcia N. The paradox of contemporary linguistic nationalism: the case of Luxembourg // Nations & Nationalism. 2014. Vol. 20. Issue 1. P. 113-132.
20. Griffiths R. Security threats, linguistic homogeneity, and the necessary conditions for political unification // Nations & Nationalism. 2010. Vol. 16. Issue 1. P. 169-188.
21. Kulyk V. Language identity, linguistic diversity and political cleavages: evidence from Ukraine // Nations & Nationalism. 2011. Vol. 17. Issue 3. P. 627-648.
22. Liu A. Linguistic Effects of Political Institutions // Journal of Politics. 2011. Vol. 73. Issue 1. P. 125-139.
23. Matsumoto D., Hwang H. The Language of Political Aggression // Journal of Language & Social Psychology. 2013. Vol. 32. Issue 3. P. 335-348.
24. McMonagle S., McDermott P. Transitional Politics and Language Rights in a Multi-ethnic Northern Ireland: Towards a True Linguistic Pluralism? // Ethnopolitics. 2014. Vol. 13. Issue 3. P. 245-266.
25. O’Grady G. The use of key in projecting face-threatening acts in televised political debate // Text & Talk. 2014. Vol. 34. Issue 6. P. 685-711.
26. Robinson M.D., Boyd R.L., Fetterman A.K. An emotional signature of political ideology: Evidence from two linguistic content-coding studies // Personality & Individual Differences. 2014. Vol. 71. P. 98-102.
27. Tavor O. Naming/Power: Linguistic Engineering and the Construction of Discourse in Early China // Asian Philosophy. 2014. Vol. 24. Issue 4. P. 313-329.

28. 吴国华 彭文钊. 关于语言国情学. 当代语言学. 2001. № 3. C. 199-209.
29. 孙军. 语言个性初探. 解放军外国语学院学报. 2001. № 5. C. 49-52.
30. 彭文钊 赵亮. 语言文化学. 上海: 上海外语教育出版社. 2006.
31. 王文忠. 语言-文化研究中的语言个性理论. 外语学刊. 2001. № 4. C. 72-77.
32. 赵爱国. 语言个性理论及其研究. 外语与外语教学. 2003. № 12. C. 11-14.

**The matrix structure of verbal portrait in the dynamic aspect from the perspective of the discursive approach
(verbal portraits of politicians)**

Lijun Guo

Lecturer, Department of Russian language,
Shanxi University,
92 Wucheng Road, Xiaodian, Taiyuan, Shanxi, China;
e-mail: glj827@163.com

Yizhi Niu

Postgraduate, Department of Russian language,
Beijing Normal University,
100875, 19 Xijiekou Outer Str., Haidian, Beijing, China;
e-mail: glj827@163.com

Abstract

Popularity of anthropocentric paradigm in humanities has stirred among linguists a wave of interest to language personality in its various manifestations. Some of them study linguistic identity in terms of verbal portrait. The emergence of a dynamic concept of discourse provides new opportunities for the study of verbal portrait of linguistic identity. This article attempts to summarize

the analytical theory of "speech portrait", based on the model of E.V. Osetrova. The dynamic matrix is constructed from the standpoint of speech portrait and discursive approach on the example of verbal portraits of Russian politicians. The units that make up the content side of verbal portrait policies are as follows: concepts or keywords, the model of the present, the model of the future and slogans. Communicative component of the study shows the individual preferences in different aspects of political communication. It also includes 4 parameters: a) monologue / dialogical statements b) informative / evaluative type of speech genre, c) the role of agent and d) communicative success / speech errors. Verbal portraits of politics, on the one hand, represents a certain system of content and communication components, and on the other hand, verbal portrait of the person can not be understood without taking into account its reflection in public opinion, the media and the discourse of the opposition.

For citation

Guo Lijun, Niu Yizhi (2014) Matrichnaya konstruktsiya rechevogo portreta v dinamicheskom aspekte s pozitsii diskursivnogo podkhoda (na primere rechevogo portreta politikov) [The matrix structure of verbal portrait in the dynamic aspect from the perspective of the discursive approach (verbal portraits of politicians)]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 5, pp. 98-113.

Keywords

Verbal portrait, political linguistics, political discourse, the dynamic matrix, discourse analysis.

References

1. Belkovskii S. (2008) Gde Rossiya / 5. Politika kak osoznannaya neobkhodimost' [Where Russia / 5. Politics as a recognized need]. *Agentstvo politicheskikh novostei*. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article20649.htm> [Accessed 20/05/13].
2. Childers T. (1989) Political Sociology and the "Linguistic Turn". *Central European History (Brill Academic Publishers)*, 22, 3/4, pp. 381-394.

3. Collin R. (2013) Moving Political Meaning across Linguistic Frontiers. *Political Studies*, 61 (2), pp. 282-300.
4. Crespo F.E. (2014) Euphemisms and political discourse in the British regional press. *Brno Studies in English*, 40 (1), pp. 5-26.
5. Cunha E., Magno G., Gonçalves M.A., Cambraia C., Almeida V. (2014) He Votes or She Votes? Female and Male Discursive Strategies in Twitter Political Hashtags. *PLoS ONE*, 9 (1), pp. P. 1-8.
6. Dehghani M., Sagae K., Sachdeva S., Gratch J. (2014) Analyzing Political Rhetoric in Conservative and Liberal Weblogs Related to the Construction of the "Ground Zero Mosque". *Journal of Information Technology & Politics*, 11 (1), pp. 1-14.
7. Dyagilev K., Yom-Tov E. (2014) Linguistic Factors Associated With Propagation of Political Opinions in Twitter. *Social Science Computer Review*, 32 (2), pp. 195-204.
8. Friedman E., Kampf Z. (2014) Politically speaking at home and abroad: A typology of message gap strategies. *Discourse & Society*, 25 (6), pp. 706-724.
9. Garcia N. (2014) The paradox of contemporary linguistic nationalism: the case of Luxembourg. *Nations & Nationalism*, 20 (1), pp. 113-132.
10. Griffiths R. (2010) Security threats, linguistic homogeneity, and the necessary conditions for political unification. *Nations & Nationalism*, 16 (1), pp. 169-188.
11. Karaulov Yu.N. (1982) Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovaniy yazykovoï lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality]. In: *Mezhdunarodnyi kongress MAPRYAL. Doklad sovetskoi delegatsii* [International Congress of MAPRYAL. Report of the Soviet delegation]. Moscow, pp. 105-125.
12. Karaulov Yu.N. (2007) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow: LKI Publ.
13. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. (2003) Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Contemporary political communication]. In: *Sovremenniy russkii yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Contemporary Russian language: social and functional variation]. Moscow, pp. 151-240.
14. Kulyk V. (2011) Language identity, linguistic diversity and political cleavages: evidence from Ukraine. *Nations & Nationalism*, 17 (3), pp. 627-648.

15. Leorda S.V. (2006) *Rechevoi portret sovremennogo studenta. Avtoreferat Doct. Diss.* [Speech portrait of the contemporary student. Doct. Diss. Abstract]. Saratov.
16. Liu A. (2011) Linguistic Effects of Political Institutions. *Journal of Politics*, 73 (1), pp. 125-139.
17. Matsumoto D., Hwang H. (2013) The Language of Political Aggression. *Journal of Language & Social Psychology*, 32 (3), pp. 335-348.
18. McMonagle S., McDermott P. (2014) Transitional Politics and Language Rights in a Multi-ethnic Northern Ireland: Towards a True Linguistic Pluralism? *Ethnopolitics*, 13 (3), pp. 245-266.
19. O'Grady G. (2014) The use of key in projecting face-threatening acts in televised political debate. *Text & Talk*, 34 (6), pp. 685-711.
20. Osetrova E.V. (1999) Rechevoi portret politicheskogo deyatelya [Verbal portrait of a politician]. In: Grigor'eva T.M. (red.) *Lingvisticheskii ezhegodnik Sibiri* [Linguistic yearbook of Siberia]. Krasnoyarsk, 1999. S. 58–66.
21. Panov M.V. (1990) *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII-XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the eighteenth and twentieth centuries]. Moscow: Nauka Publ.
22. Pereverzev E.V., Kozhemyakin E.A. (2008) Politicheskii diskurs: mnogoparametral'naya model' [Political discourse: a multidimensional model]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of VSU. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication], 2, pp. 74-79.
23. Robinson M.D., Boyd R.L., Fetterman A.K. (2014) An emotional signature of political ideology: Evidence from two linguistic content-coding studies. *Personality & Individual Differences*, 71, pp. 98-102.
24. Sedov K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoi kompetentsii* [Discourse and identity: the evolution of communicative competence]. Moscow.
25. Tarasenko T.P. (2007) *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsii (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsi-olekta shkol'nikov Krasnodara). Avtoreferat Doct. Diss.* [Linguistic identity of the senior pupil in the aspect of speech (based on data of association experiment and social dialect of students in Krasnodar). Doct. Diss. Abstract]. Krasnodar.

26. Tavor O. (2014) Naming/Power: Linguistic Engineering and the Construction of Discourse in Early China. *Asian Philosophy*, 24 (4), pp. 313-329.
27. Zemskaya E.A. (2001) Yazyk russkogo zarubezh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya [Russian language abroad: research results and perspectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language studies], 1, pp. 114-131.
28. 吴国华, 彭文钊 (2001) 关于语言国情学. 当代语言学, 3, pp. 199-209.
29. 孙军. 语言个性初探 (2001) 解放军外国语学院学报, 5, pp. 49-52.
30. 彭文钊, 赵亮 (2006) 语言文化学. 上海: 上海外语教育出版社.
31. 王文忠. (2001) 语言-文化研究中的语言个性理论. 外语学刊, 4, pp. 72-77.
32. 赵爱国. (2003) 语言个性理论及其研究. 外语与外语教学, 12, pp. 11-14.